

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНОСТИ «ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ»

В статье рассматриваются спорные вопросы реализации публичного начала в уголовном судопроизводстве по делам частного обвинения. Аргументируется, что частный интерес, за защитой которого человек обратился к органам публичной власти, уже перестал быть собственно частным интересом и защищается наравне с публичным.

Ключевые слова: дела частного обвинения, публичность уголовного судопроизводства, потерпевший, частный обвинитель, прекращение дела за примирением сторон.

Дела частного обвинения всегда указывались в литературе как наиболее яркий пример взаимодействия частных (личных) и публичных (общественных) интересов. В советские годы главный акцент в этих рассуждениях делался на предусмотренное в ст. 27 УПК РСФСР 1960 г. исключение из общего правила возбуждения таких дел исключительно по жалобе потерпевшего, согласно которому прокурор был вправе возбудить уголовное дело, «если дело частного обвинения имеет особое общественное значение или если потерпевший по такому делу... в силу тех или иных обстоятельств не в состоянии защищать свои интересы» [1, с. 90]. Присутствие публичного интереса в делах частного обвинения никем и никогда в науке не отрицалось при традиционной спорности более общего вопроса о соотношении частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве. Не будет преувеличением утверждать, что все споры в уголовно-процессуальной науке возникают и разрешаются в том или ином контексте проблемы соотношения публичного (публично-правового, официального) и диспозитивного (частноправового, частного) начал в уголовном процессе. Все признаки кризиса национальных систем уголовного судопроизводства так или иначе обусловлены дисбалансом публичного и диспозитивного начал, а значит, все реформы в уголовном процессе, как правило, осуществляются с целью ликвидации этого дисбаланса в наиболее пригодном для данной страны на данном историческом этапе варианте [2, с. 118]. Смещение в начале 2000-х гг. законодательных приоритетов в пользу преимущественной защиты прав и законных интересов личности и связанное с этим расширение диспозитивных, частноправовых начал в российском уголовном процессе одними авторами горячо приветствовалось [3, с. 37], другими – резко критиковалось [4, с. 34]. В самом начале реформ 1990-х – 2000-х годов сама по себе мысль о необходимости преимущественной защиты интересов личности, без которой невозможно полноценно защитить интересы общества, с трудом пробивала себе дорогу сквозь стереотипы профессионального правосознания государственных чиновников от юриспруденции. Но сегодня уже мало отстаивать право этой мысли на существование. Сегодня требуется нечто большее: результативный поиск «золотой середины» между «зарегимливанием» уголовного процесса (термин, удачно употреб-

* © Тарасов А.А., 2012

Тарасов Александр Алексеевич (aatar@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ленный Е.А. Артамоновой для обозначения «гипертрофированного публичного начала») [3, с. 37] и его «приватизацией» (гипертрофированием частного начала). Что лучше — едва ли известно.

С изменением в 2001 г. законодательного определения назначения уголовного судопроизводства в ст. 6 УПК РФ с преимущественно карательного на преимущественно правозащитное в литературе появились суждения о том, что в названной статье УПК получил нормативное закрепление новый принцип процесса — принцип сочетания публичных и частных начал [5, с. 7]. Таких слов в ст. 6 УПК РФ, как известно, нет, а предложение это не выглядит полезным, поскольку тот или иной вариант сочетания публичных и частных начал присущ любой системе уголовного судопроизводства, независимо от признания его принципом процесса. Принципиальное значение имеет вовсе не сам факт сочетания как таковой, а степень защиты и публичного, и частного интересов во всей национальной системе уголовно-процессуального права.

Возвращаясь к теме дел частного обвинения, осмелимся утверждать, что жесткая расстановка акцентов в определении и разграничении частного и публичного интересов здесь не только не помогает решать практические проблемы, но нередко и затрудняет их решение. В концентрированном виде представление автора настоящей статьи о соотношении частного и публичного интересов в любых уголовных делах выглядит так: в любом частном интересе здесь всегда присутствует публичный интерес, тогда как публичный интерес не существует сам по себе, вне частных интересов многих людей. В делах частного обвинения это соотношение выглядит более рельефным за счет законодательного разграничения процессуальных действий и решений, инициируемых частными лицами либо органами публичной власти.

Считаем возможным рассматривать сказанное как уголовно-процессуальную интерпретацию известного общетеоретического постулата: «*Вся функциональная деятельность государства направлена на достижение генеральной цели: блага человека, его нравственного, материального и физического благополучия, максимальной правовой и социальной защищенности личности. Государство всегда должно выступать как верховный хранитель и защитник законных интересов личности, через личность государство содействует общественному прогрессу, совершенствует и обогащает всю систему общественных отношений*» [6, с. 155–156].

Задача законодателя в связи с этим — определить правовые рамки реализации того и иного интересов. На уровне нормы права законодатель обязан обозначить, в какой части в данном регулируемом общественном отношении интерес конкретного лица является неприкосновенным для органов публичной власти, а в какой части интерес столь же конкретного лица — это публичный интерес, нуждающийся в защите вне зависимости от усмотрения любого носителя частного интереса. Задача правоприменителя — по каждому конкретному уголовному делу выявить публично-правовую составляющую частного интереса и обеспечить равную защиту обоих интересов.

Нельзя не отметить позитивных тенденций в развитии отечественного законодательства в указанной части. Отказ от «гипертрофированного публичного начала» привел к обоснованному исключению «особого общественного значения» дел частного обвинения из числа оснований возбуждения таких дел в публичном порядке. Оправданное усиление публичного начала видится в законодательном решении 2007 г. о возможности направления мировым судьей заявления потерпевшего в отношении неизвестного ему лица органам предварительного расследования для возбуждения уголовного дела в публичном порядке.

Приведем характерный пример из практики мирового судьи одного из центральных регионов России. Дознаватель с согласия прокурора возбудил уголовное дело в

отношении главы семейства, систематически наносившего побои своей жене и малолетнему сыну. Жена, достаточно терпеливо сносившая за годы совместной жизни жестокое обращение с ней самой, не смогла пережить избиения мужем их двухлетнего сына и пожаловалась в милицию, сказав при этом, что мужа боится и в суд на него заявлять не будет. Милиция поступила так, как только и должен в данном случае поступить орган публичной власти: дознаватель возбудил уголовное дело, провел расследование и направил дело с обвинительным актом мировому судье. В суде в порядке ч. 4 и 8 ст. 318 УПК РФ участвовал прокурор, который настаивал на обвинении. В процессе рассмотрения дела защитник подсудимого принимал активные меры к примирению сторон, которому в силу названной ч. 4 ст. 318 УПК РФ участие прокурора не препятствует. Потерпевшая – жена подсудимого и она же – законный представитель второго потерпевшего – сына подсудимого – в ходе судебного заседания не возразила против ходатайства стороны защиты о примирении и прекращении дела. Мировой судья, сам обязанный по закону принять меры к примирению сторон и еще более обязанный прекратить дело в случае состоявшегося примирения, не прекратил дело и постановил обвинительный приговор с назначением наказания.

Прежде чем прокомментировать этот пример, обозначим позицию по поводу ключевых идей сочетания частных и публичных интересов в делах частного обвинения.

1. Сам факт публично-правового регулирования защиты частного интереса есть проявление интереса публичного, поскольку «публичное начало уголовного процесса обслуживает не только публичный интерес, то есть интерес государства и общества в целом, но и интерес личности» [3, с. 34]. Диспозитивность частного обвинителя неизбежно обременяется не только процедурными правилами подачи заявления, но и публично-правовыми требованиями о презумпции невиновности, о праве обвиняемого на защиту [7, с. 38–39], об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, за дачу заведомо ложных показаний и т. д.

2. Частный интерес, за защитой которого человек обратился к органам публичной власти, – это уже не просто частный интерес конкретного лица, и защищаться он должен как интерес публичный. Такой интерес должен рассматриваться как обеспечение права каждого на получение государственной (в том числе судебной) защиты своего частного интереса и частных интересов лиц, законным представителем которых этот «каждый» является, в органах публичной власти.

3. Публичный интерес во всех процедурах уголовно-процессуальной защиты частного интереса состоит в наиболее полном обеспечении реализации правомерного частного интереса каждого его носителя и в ограждении каждого от злоупотреблений правами со стороны других носителей частных интересов.

И.Б. Михайловская правильно считает, что при расхождении позиций прокурора и потерпевшего по поводу примирения по делам частного обвинения приоритетной для суда является позиция потерпевшего [8, с. 41]. Но она же верно подчеркивает, во-первых, что судья должен выяснить действительную готовность сторон примириться [8, с. 46], а во-вторых, он должен быть уверен, что решение о примирении является добровольным и исходит от обеих сторон [8, с. 48]. Полагаем в связи с этим, что при всей предопределенности решения мирового судьи о прекращении уголовного дела частного обвинения в случае примирения сторон судья не перестает быть носителем публичной судебной власти. Судья принимает публичное властное решение, что само по себе предполагает и свободу оценки всех обстоятельств дела, и свободу судейского усмотрения, и персональную юридическую ответственность не только за процедурную чистоту рассмотрения дела, но и за обеспечение защиты частных и публичных интересов в конкретном деле. Именно поэтому в гражданском

процессе судья вправе утвердить мировое соглашение сторон только в том случае, если оно не противоречит закону и не нарушает интересов других лиц.

Вернемся к рассмотренному примеру. У судьи были основания усомниться в свободе волеизъявления потерпевшего, который ранее отказывался от судебной защиты собственного интереса и интереса своего ребенка именно из-за страха перед своим обидчиком. Прокурор не отказался от обвинения подсудимого, учитывая, что обстоятельства, препятствовавшие самостоятельной защите потерпевшей своих прав, сами собою не устранились. Судья исходил из этого же и в мнении своем дополнительно утвердился, глядя на то, как в процессе рассмотрения дела подсудимый, а еще более его адвокат-защитник склоняли потерпевшую к примирению и прекращению дела. Судья не мог не учесть также, что, в отличие от своей матери, двухлетний ребенок и вовсе не может выразить собственную позицию в отношении примирения сторон в процессе, а его частный интерес тоже защищался в этом процессе как публичный, то есть как интерес каждого недееспособного по малолетству гражданина в обеспечении государственной защиты его прав. Суммировав все это, судья счел необходимым постановить обвинительный приговор. Стороны этот приговор не обжаловали, хотя если бы они его обжаловали, результат апелляционного или кассационного пересмотра прямо зависел бы от того, насколько вышестоящий судья был бы способен разграничить формальную и содержательную стороны дела и насколько он был бы готов принять на себя ответственность за правильность такого разграничения.

В литературе многими авторами и в разные времена подчеркивалась условность термина «частное обвинение», поскольку обвинение в совершении общественно опасного деяния, которым является преступление, — это всегда защита публичного интереса [см. подр.: 7, с. 50–52]. Полагаем, однако, что вся уголовно-процессуальная терминология в известной степени условна, и попытки найти какие-то «безусловные» варианты словесных обозначений различных уголовно-процессуальных категорий нередко лишь еще более усложняли терминологический аппарат уголовно-процессуального права. Думается, что и предложенный Н.Е. Петровой термин «неофициальное обвинение» [7, с. 53] ничуть не менее условен, чем «частное обвинение»: названные автором субъекты «неофициального обвинения» — граждане и юридические лица — осуществляют свою обвинительную деятельность путем обращения к официальным юрисдикционным органам, а не к «знакомым бандитам», что было очень популярно в 1990-е гг. Значит, считать это обвинение неофициальным тоже нельзя, хотя, конечно, оно отличается от того официального обвинения, которое И.Я. Фойницкий называл «должностным» [9, с. 74]. Главная задача, разумеется, состоит не в том, чтобы найти наиболее пригодное словесное обозначение способа защиты частного интереса, а в определении оптимальных правовых форм участия государства в его защите.

Проблему частного обвинения не обошла наша традиционная привычка переоценивать значение придуманных нами же слов, «вязнуть» в них, иногда уходя от решения реальных проблем. В этом контексте вспоминается, сколько сил и эмоций было потрачено на ликвидацию права суда возбуждать уголовные дела частного обвинения (как и любые другие) в связи с тем, что возбуждение уголовного дела есть акт уголовного преследования, то есть не свойственной суду обвинительной функции. Спорить с этим невозможно, если вкладывать в словосочетание «возбуждение уголовного дела» тот глубинный советский смысл, к которому мы привыкли десятилетиями. Но ведь когда-то дореволюционный законодатель применительно к некоему подобию современной стадии возбуждения уголовного дела оперировал функционально-нейтральным словосочетанием «начатие расследования», имея в виду начало собственно делопроизводства, то есть оформление официальных документов от имени государства. Современному специалисту почему-то трудно абстрагироваться от

обвинительного смысла словосочетания «возбуждение уголовного дела», придать ему сугубо процедурный смысл, хотя нелишне заметить, что отдельные суждения в пользу такого, процедурного толкования этих слов в литературе все же встречаются [3, с. 76–77].

По поводу возбуждения уголовных дел частного обвинения в результате «терминологической революции» появилась довольно странная безличная формулировка: в ч. 1 ст. 318 УПК («Возбуждение уголовного дела частного обвинения») сказано, что они «возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд». В ч. 3 этой же статьи в отношении следователей и дознавателей используется уже вполне определенная формулировка о возбуждении уголовного дела частного обвинения этими государственными органами. Не берясь возражать против бесспорной идеи о глобальной разнице в назначении суда и органов уголовного преследования, заметим, что процедурные последствия обоих решений в целом одинаковые: с них начинается собственно уголовно-процессуальная деятельность сторон обвинения и защиты и того органа публичной власти, который принял данное дело к производству. Какой именно государственный орган открыл своим решением возможности для процессуальной защиты частных и публичных интересов, из формулировки ч. 1 ст. 318 УПК РФ не ясно.

Определенный интерес в связи со сказанным представляет сравнение этой нормы со ст. 133 Гражданского процессуального кодекса РФ («Принятие искового заявления»): «О принятии искового заявления к производству суда судья выносит определение, на основании которого возбуждается гражданское дело в суде первой инстанции». Здесь тоже использована безличная формулировка «возбуждается», однако из текста закона видно, что начало юрисдикционной деятельности органа судебной власти положено вовсе не истцом, не обладающим судебной властью по определению, а судьей – уполномоченным представителем судебной власти.

Применительно к делам частного обвинения ничуть не менее важно подчеркнуть, что, хотя инициатором возбуждения уголовного дела и выступает пострадавший (умышленно избегаем уголовно-процессуального термина), инициатива частного лица сама по себе не породит публично-правовых последствий до тех пор, пока она не будет официально поддержана органом публичной власти. Более того, без этой поддержки невозможна полноценная защита ни частных, ни публичных интересов.

Библиографический список

1. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / Л.Д. Кокорев [и др.]. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984.
2. Шадрин В.С. Новые горизонты российского уголовного судопроизводства // Юридическая мысль. 2001. № 5.
3. Артамонова Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2004.
4. Бойков А.Д. Третья власть в России. Кн. II. Продолжение реформ. М.: Юрлитинформ, 2002. С. 34.
5. Гуськова А.П. Личность и диспозитивность в уголовно-процессуальном праве // Ученые записки: сб. науч. тр. Оренбургского государственного университета. Вып. 1. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004.
6. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учеб. пособие для вузов / под ред. проф. В.Г. Стрекозова; 2-е изд., доп. и исправ. М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. С. 155–156.

7. Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004.
8. Михайловская И.Б. Уголовное судопроизводство в мировом суде: учеб. пособие. М.: Велби, Проспект, 2003.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. СПб.: Альфа, 1996.

*A.A. Tarasov**

TO THE QUESTION OF PUBLICITY OF «PRIVATE PROSECUTION»

In the article the disputable questions of realization of public origin in criminal court proceedings concerning the cases of private prosecution are viewed. It is argued that private interest for the defence of which the person addresses to the organs of public authority has already finished to be proper private interest and is defended equally with the public interest.

Key words: cases of private prosecution, publicity of criminal court proceedings, sufferer, private prosecutor, removal of action because of the reconciliation of the parties.

* *Tarasov Alexander Alexeevich* (aatar@mail.ru), the Dept. of Criminal Proceedings and Criminalistics, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.